

Марина
СЕРОВА

**Заблудиться
в страшной
сказке**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохрани́тель Евге́ния Охотникова

Марина Серова

Заблудиться в страшной сказке

«Научная книга»

2014

Серова М. С.

Заблудиться в страшной сказке / М. С. Серова — «Научная книга», 2014 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-699-69879-0

Телохранитель Евгения Охотникова всегда считала, что у них с тетушкой Милой нет никаких родственников. Но однажды на пороге квартиры возник молодой человек, называющий себя племянником Людмилы Охотниковой. Оказывается, у тетушки был брат, давно покинувший страну, а этот молодой человек – его сын, выросший в Америке. Новоявленный кузен с первого взгляда вызывает у Жени подозрения, а его рассказы кажутся неправдоподобными. Евгения уверена, что он вовсе не тот, за кого себя выдает. Но тетушка Мила очарована Константином. Попытки Жени вывести афериста на чистую воду приводят к ссоре, после чего Евгения вынуждена покинуть дом тетушки и поселиться отдельно. Слежка за подозрительным родственником приводит Евгению на окраину города, где она находит Костю мертвым. Прибывший наряд полиции обнаруживает на его теле странный предмет – и только спецподготовка Охотниковой позволяет вовремя опознать контейнер с биологически опасным материалом – смертельным вирусом...

ISBN 978-5-699-69879-0

© Серова М. С., 2014
© Научная книга, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марина Серова
Заблудиться в страшной сказке

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Пролог

Первый заболевший появился на улицах Шанхая в середине марта. Молодой, хорошо одетый мужчина с отличной стрижкой, в дорогих ботинках и часах, в костюме коллекции «Весна-2015» шел по улице против течения толпы «белых воротничков», спешащих на работу. Вот он толкнул хорошенькую девушку в деловом костюме и даже не извинился. Девушка бросила на нахала сердитый взгляд, но толпа тут же унесла ее прочь. Молодой мужчина вытянул перед собой руки, точно слепой, и двинулся поперек движения толпы. Люди неохотно расступались, давая ему пройти. Добредя до стены, мужчина прислонился к какой-то двери и постоял так минут пять, отдыхая. Он подергал ручку, но дверь была наглухо заперта. Тогда мужчина поднял глаза к небу, но неба не было видно – его закрывали верхние этажи небоскребов деловой части города. Мужчина пошатнулся и прижал руку ко лбу. Он был бледен, и если бы кому-то пришлось в голову присмотреться повнимательнее, то стало бы ясно, что этот человек болен – его била крупная дрожь, потные волосы прилипли ко лбу, кожа на висках посинела, и потрескались пересохшие губы. Но человек не упал – он удержался на ногах, оттолкнулся от стены и побрел куда-то, словно его влекла неведомая цель. Иногда он шел с закрытыми глазами.

Так он добрался до Нанкинлу – крупнейшей торговой улицы Шанхая – и двинулся по ней. Время приближалось к десяти, и улица заполнялась множеством людей, спешащих за покупками. Порой человек терял равновесие, но в такой толпе упасть невозможно – всегда находился кто-то, готовый поддержать. Человек молча кивал, благодаря, – говорить он уже не мог, и шел дальше.

К полудню мужчина вышел на набережную реки Хуанпу. Далеко впереди высилась телевизионная башня – Жемчужина Востока. Человек вспомнил, что высота башни где-то около 500 метров, а со смотровой площадки открывается красивейшая панорама Шанхая. Он двинулся в сторону башни с упорством насекомого, стремящегося к свету. Прошло не меньше часа, прежде чем он достиг Жемчужины Востока. Человек вошел в один из двух знаменитых лифтов, поднимающих на вершину всех желающих полюбоваться прекрасным видом. В лифте он снова упал бы, но стальная, обитая деревом коробочка была набита людьми, как коробочка маковая – зернами, и он удержался на ногах. Все время, пока скоростной лифт поднимался на верхушку небоскреба, мужчина тяжело дышал, и в дыхании его начали прослушиваться свистящие хрипы, а лицо стало землисто-серым.

Лифт доставил свой груз на смотровую площадку. Веселые туристы немедленно принялись фотографировать панораму Шанхая и друг друга, а мужчина остановился в центре смотровой площадки и замер неподвижно, свесив голову на грудь. Он стоял так, не шевелясь, глаза его были закрыты. Минут через пять странный посетитель привлек внимание охранника. Пожилой китаец в форменном комбинезоне направился к человеку, и тот поднял голову. Стало видно, что глаза его не видят ничего вокруг, зрачки сужены настолько, что превратились в точки, из трещин на губах уже начинает сочиться кровь.

– Вы нуждаетесь в помощи? – охранник вежливо произнес стандартную фразу. Туристы стали обращать внимание на странного посетителя. Кто-то щелкнул фотоаппаратом, сверкнула вспышка.

Тогда человек открыл рот и закричал. Крик был тихим, и в нем не было ничего человеческого – казалось, это воеет раненое животное.

– О, майн готт! – воскликнула пожилая туристка из Дюссельдорфа и прижалась к мужу.

Человек упал. Охранник подошел и потряс неизвестного за плечо. Мужчина никак на это не отреагировал. Тогда охранник перевернул упавшего на спину, и стало видно, что человек мертв. Его пустые глаза смотрели в белое небо с немым упреком. В своем черном костюме человек походил на тряпичную куклу, выброшенную за ненадобностью.

– Он умер, да? Нет, он реально умер? – приплясывала на месте длинноволосая юная блондинка, выглядывая из-за мускулистого плеча своего спутника.

– Реально, – ответил спутник и выплюнул жевательную резинку прямо на бетон.

Охранник вызвал подмогу по рации и важно проговорил:

– Просьба никому не приближаться к пострадавшему. Помощь уже в пути.

Человек, которому уже не требовалась никакая помощь, неподвижно лежал, раскинув руки.

Это был первый.

Спустя день мир содрогнулся в страхе.

Глава 1

Первым ударом в левую скулу я отправила его в нокаут. Потом немного подождала, давая время подняться, – не хотелось закончить удовольствие так скоро. Второй удар пришелся ему в район диафрагмы. Пока он хватал воздух ртом и бессмысленно таращил глаза, я рубанула ему ребром ладони по кончику носа – снизу вверх. Такой прием лишает противника возможности соображать. Хотя у этого мозгов и так было немного... Следующий хорошо подготовленный и многократно мною отрепетированный удар поразил его в пах. Признаюсь, порой я злоупотребляю этим средством... Зато оно позволяет моментально вывести из строя противника намного крупнее меня. К тому же если оглянуться на мировую историю и посчитать, сколько бед нам, слабому полу, причинили мужчины, получится, пожалуй, даже справедливо.

От пинка в пах мой противник предсказуемо согнулся крючком, подставив мне незащищенную шею. По которой я и нанесла финальный удар обеими руками, сцепленными в замок.

После этого негодяй повалился лицом вниз. Он еще пытался ползти, торопясь убраться из зоны поражения, но я не дала мерзавцу ни единого шанса. Разбежавшись, я исполнила тот самый трюк, что приводит в экстаз трибуны, – подобно стокилограммовому рестлеру, я с размаху прыгнула на спину мерзавцу, вышибив из него остатки воздуха. Хотя вещь я ровно половину от заявленного, эффект получился поразительный. Негодяй квакнул и затих. Ползти он больше не пытался.

Я еще немного попинала его ногами... и проснулась.

Из кухни пахло свежесваренным кофе и доносились голоса. Тот, кого я в своих мечтах только что разделала под орех, преспокойно завтракал на нашей кухне вместе с моей тетушкой. Сейчас он как раз нахваливал омлет. Минут пять я послушала, потом невольно поморщилась. «Ах, какой воздушный, белоснежный! Только моя мама умела так взбивать яйца. И корочка как раз такая, какую я люблю. Просто идеально, ваши кулинарные таланты выше всяких похвал!»

Я услышала довольный смех моей престарелой тетушки. Уж сколько раз твердили миру, что лезть гнусна, вредна, да только все не впрок... И в сердце кое-кто всегда отыщет уголок. Примерно так высказался на эту тему знаменитый баснописец Крылов – это то немногое, что я помню из школьной программы. Баснописец абсолютно прав.

Честно говоря, кулинария не так давно вошла в число любимых занятий тети Милы. Всю жизнь тетушка, по ее же несколько старомодному выражению, «прослужила» на ответственных должностях, питалась исключительно в служебной столовой. Семейей тетя так и не обзавелась, и первые кулинарные опыты ей пришлось ставить на мне, единственной племяннице. Я поселилась у тетушки в провинциальном Тарасове уже вполне в сознательном возрасте, а готовила я еще хуже, чем она. Так что мы по умолчанию выбрали наименьшее из зол – тетя вела дом, готовила (кстати, стоит признать, с годами у нее это стало получаться гораздо лучше), а я зарабатывала деньги.

Профессия у меня не вполне обычная – я телохранитель. Не подумайте, что я каждую ночь вижу такие сны. Я вовсе не кровожадна, и насилия не одобряю... Просто человек, что фальшиво нахваливал тетин омлет, за последние три дня совершенно разрушил мою жизнь.

Сегодня... дайте подумать... воскресенье. В среду вечером мы с тетей Милой пили чай с волшебными, не побоюсь этого слова, плюшками (купленными мною в знаменитой булочной Стружкина), как вдруг раздался звонок. Моя профессия вынуждает общаться с самыми разными категориями сограждан. Поэтому дверь в нашем доме по вечерам всегда открываю я.

Вот и сейчас я подошла к входной двери и посмотрела в глазок. После одной истории в самом начале моей карьеры дверь пришлось заменить. Предыдущую разметало в мелкие щепки ста пятьюдесятью, как мне потом сказали, граммами пластика, так что пришлось

поставить кое-что посерьезнее. Выглядит моя новая дверь как самое обычное железное изделие трудолюбивых ремесленников города Тарасова, но на самом деле это пуленепробиваемая конструкция, способная при необходимости выдержать небольшой направленный взрыв. Искренне надеюсь, что такой необходимости не возникнет никогда.

Глазок в моей двери устроен по принципу перископа и позволяет обозревать не только нашу площадку, но и ту, что над нами – на случай, если злоумышленнику придет в голову там спрятаться. До сих пор этот оптический прибор ни разу меня не подводил. И вот в самом центре моего окуляра я увидела совершенно незнакомого молодого человека в белой рубашке, с портфелем под мышкой и с букетом чайных роз. Чайные розы обожают моя тетушка, так что сначала я приняла молодого человека за курьера какой-нибудь фирмы «Флорист-98». У тетушки множество учеников, бывших коллег по работе и огромное количество людей, чем-либо ей обязанных. Тетушка любит делать добрые дела, а ее разветвленной сети контактов позавидовало бы и ЦРУ. Тетя Мила довольно часто получает от благодарных знакомых цветы и конфеты, а также билеты на балет, до которого тетя большая охотница. В самом деле, не дарить же человеку в таком почтенном возрасте спиртное! Так что дверь я открыла без малейших сомнений.

– Давайте! – я протянула руку, чтобы взять у молодого человека букет, но он прижал его к груди и уставился на меня круглыми от удивления глазами.

– Ну давайте же! Где расписаться? – я торопилась вернуться к плюшкам, поэтому тон мой нельзя было назвать чересчур вежливым. Молодой человек стоял столбом.

– Женечка, кто там? – донесся из кухни обеспокоенный голос тети.

– Все в порядке, это курьер! – крикнула я через плечо. И тут гость наконец-то подал голос.

– А вы, должно быть, Евгения Максимовна Охотникова?! – радостно осведомился незнакомец.

– Да, это я, – мне ничего не оставалось, как признать очевидное. Но чему он так рад?!

– Тогда вы – моя дорогая сестра! – все так же жизнерадостно произнес гость.

Сказать, что я удивилась – значит ничего не сказать. Нет, я, конечно, смотрела пару бразильских сериалов вместе со всем народонаселением моей многострадальной родины. Но чтобы такое случилось со мной...

– Я ваш кузен Костя, – продолжал между тем пришелец. – Могу я видеть Людмилу Охотникову? Я приехал из Америки, чтобы повидать вас, свою русскую родню.

Я задумалась.

– Из какой Америки ты приехал, брат, из Северной или все-таки Южной? Колумбия, Гондурас, Сальвадор? – спросила я парня, но уже по-английски.

– Нет, боже упаси, какой еще Гондурас?! – вполне искренне изумился гость. – Я из Канады, живу в Торонто, моя фамилия Охотников, зовут Костя... Константин Сергеевич. Вот паспорт, если вы мне не верите.

В голосе гостя звучала обида, синие глаза смотрели с искренним недоумением. Парень выдернул из портфеля загранпаспорт и показал мне страницу. Охотников, Константин. Кстати, на английский он перешел легко, словно и не заметив разницы. Похоже, этот язык действительно для него родной, так же как и русский. Кто его знает, может, и правда родственник... Он же не виноват, что по образованию я – агент специального назначения...

– Извини, работа такая, – я посторожилась, пропуская парня в квартиру.

Новоявленный родственник не стал, подобно большинству моих соотечественников, топтаться на пороге в ожидании, когда ему предложат тапочки, а ловко спрятал паспорт в нагрудный карман рубашки и сразу прошел в комнату, где за столом, накрытым для чая, восседала тетушка Мила. Увидев гостя, тетя вроде бы и не очень удивилась.

Так, все ясно. Это для меня визит заокеанского брата – большая неожиданность, а вот для тети это никакой не сюрприз. Делаем вывод – Кузена, так я с первой секунды окрестила родственника, в этом доме ждали!

– Паспорт давай! – сказала я в спину Косте. Наверное, стоит рассмотреть его документы повнимательнее. А то в наши дни столько умельцев... Раньше качественно сделанный фальшивый паспорт можно было получить только от спецслужб. Ну и еще от нескольких засекреченных специалистов, работающих на преступные сообщества типа якудзы. Их гонорары были покруче, чем у рок-звезд, и даже при наличии необходимой суммы человеку, не связанному с мафией, выйти на них было абсолютно невозможно. А сейчас?! Не скажу, что качественный фальшак продается на каждом углу... Но все-таки рынок поддельных документов расширился неимоверно. Спасибо Всемирной сети...

На этот раз Кузен нисколько не обиделся – он протянул мне паспорт и, пока я изучала водяные знаки, голограммы и качество бумаги, сделал неожиданную вещь – шагнул вперед и опустился на одно колено перед тетушкой! Одной рукой он протягивал потрясенной Миле букет чайных роз, а другую руку Кузен – вот не поверите! – прижимал к сердцу.

– Дорогая тетя – позвольте называть вас именно так. Как жаль, что мой отец не дожил до этого дня!

Тетя порозовела. На мгновение мне показалось, что Мила сейчас поднимет незнакомца с колен и расцелует. К счастью, этого не произошло.

Между тем Костя поднялся с колен самостоятельно и уселся за стол – на мое, кстати, любимое место. Тетя придвинула гостю тарелку с плюшками и попросила:

– Женечка, будь добра, налей Костику чаю!

Пока я выполняла тетушкину просьбу, незванный гость и тетя переглядывались за моей спиной. Наконец я поставила перед Кузеном чашку с чаем и устроилась напротив него, по другую сторону стола. Никогда не сажусь рядом с теми, кто вызывает у меня подозрение или просто не нравится. Кстати, спиной к дверям я тоже не сажусь.

– Женя, мы должны перед тобой извиниться! – пробормотала Мила.

– Мы – это кто? – холодно осведомилась я.

– Мы с Костиком, – сконфуженно призналась тетя. – Женечка, я сейчас открою маленькую тайну: мы с Костей довольно давно состоим в переписке.

– А я где была?

– Ты, Женечка, была ужасно занята этим своим расследованием. Я не хотела тебя тревожить...

Прихлебывая безнадежно остывший чай, я вглядывалась в сидевшего напротив парня. Ну-ка, Охотникова, вспоминай о своей спецподготовке, поищем в лице этого типа фамильные черты. На первый взгляд он кажется похожим – на меня, немного на Милу, на всю родню сразу. Темные волосы, чистая кожа... Кстати, красивый парень. Рост высокий, ну, да я и сама не Дюймовочка. Скуловые кости чуть пошире, чем у нашей родни, – легкая примесь татарской крови? Впрочем, я ведь не видела его мать – вполне возможно, Кузен унаследовал нехарактерные для Охотниковых черты именно от нее. Синие глаза так и лучатся притворной скромностью, парень всякий раз опускает их, когда я на него смотрю. Вот только где-то там, глубоко-глубоко, за личиной пай-мальчика, прячется не очень симпатичный персонаж. Ничего особо криминального... Но в критической ситуации может стать опасным.

Кузен слегка занервничал под моим пристальным взглядом, он принялся то и дело менять позу, покашливать без причины, теревить галстук. В конце концов вся эта пантомима обратила на себя внимание тетушки – чего, собственно, гаденыш и добивался.

– Женечка, не стоит так пристально разглядывать нашего гостя! – укоризненно проговорила Мила. На слове «гость» она сделала явное ударение. – А то Костя неуютно себя чувствует.

В какой-то степени тетя Мила права – под моим изучающим взглядом любой почувствует себя несколько неуверенно, а уж если у человека при этом и в самом деле совесть нечиста... Если бы я ошибалась! Ах, если бы я только могла ошибиться... Но умение «прочитывать» собеседника настолько глубоко вбито в мой мозг долгими тренировками, что включается авто-

матически и работает, так сказать, «на автопилоте», не требуя моего участия. Если бы этот тип действительно оказался племянником Милы, приехавшим из Канады, я была бы только рада, да что там – просто счастлива! В конце концов, я и вправду уделяю тете гораздо меньше времени, чем нужно, и пусть она никогда (ну, почти никогда) меня в этом не упрекает, я же понимаю, что пожилой человек нуждается в заботе и внимании. Да и родных у нас почти не осталось, так что этот племянник – просто подарок судьбы.

– Ага, больше не буду! – пообещала я тете, а сама продолжила осмотр. Руки... так, руки в порядке – никаких обломанных ногтей, шрамов и татуировок. Часы... часы настоящие, в меру дорогие, в самый раз для студента из небогатой семьи... Кстати, чем он занимается?

– Костя, чем вы занимаетесь? – поинтересовалась я.

– О, я студент. В следующем году заканчиваю Финансовую академию.

Интересно, а я по его виду сделала вывод, что он скорее технарь, имеющий отношение к науке – химик-технолог или электронщик. Те, кто работает с деньгами, обычно выглядят иначе. Хотя кто их там знает, в Канаде, – я ведь ни разу там не бывала. Может, у них степень демократизма в одежде на порядок выше, чем у нас или в Штатах...

Между тем незваный гость и Мила вели оживленный разговор, порой переходя на английский. У тети с языками более чем нормально, но вот поговорить абсолютно не с кем. Не станем же мы с ней, после тяжелого трудового дня, за ужином просить передать соль на чужом языке?! Я еще не настолько заработалась... Что это они обсуждают?

Речь шла о какой-то общей дальней родне. Ох, надо будет как-нибудь на досуге заняться составлением собственной родословной, а то этот тип из Канады, кажется, лучше меня знает историю нашей семьи.

– Евгения, – торжественно обратилась ко мне тетя, и я невольно выпрямилась на стуле. На моей памяти Мила назвала меня так впервые. – Мы должны посвятить тебя в нашу семейную тайну.

– Да уж пора бы, – буркнула я. Не люблю чувствовать себя Петрушкой. Что это такое – из нас троих, сидящих за столом, одна я не в курсе происходящего!

– Костик – сын моего брата, Сергея Охотникова.

Вот так сюрприз!

– Почему я ничего не знаю ни о каком брате?! Значит, мне он приходится дядей? Но ведь ни мои родители, ни ты никогда о нем даже не упоминали!

Мила встала и прошла в свою комнату. Довольно долго тетя шурилась чем-то, открывая и задвигая ящики комода. Все это время мы с Кузеном изучали друг друга. Паршивец даже посмел мне улыбнуться! Наконец Мила возвратилась, прижимая к груди старый альбом в переплете из потемневшего от времени синего бархата.

– Вот! – тетя торжественно выложила на стол увесистый альбом, подняв легкое облачко пыли. Мы с Костиком придвинулись ближе, готовые изучать семейную историю.

Тетя раскрыла альбом на первой странице, и я поняла, что нас ждет история семьи Охотниковых от сотворения мира. Но нет, Мила не стала рассказывать о наших славных предках – кстати, крепостных графа Татищева, а сразу перешла к делу. Перелистав добрых полтора столетия, она открыла альбом на фотографии, где были изображены мы с отцом. Фото сделано во время единственной нашей поездки на юг, за спиной у нас развесистая пальма, на отце дурацкая панамка, мне лет пять, я сижу у него на руках и корчу рожи, как обезьянка.

Ну и что в этом таинственного? Прекрасно помню эту поездку. Пару раз я чуть не утонула в море, потому что совершенно не боялась волн, и отцу приходилось не расслабляться на пляже, а зорко высматривать среди визжащей от счастья мелюзги своего непослушного ребенка. Я удивленно посмотрела на Милу.

Взяв чистый столовый нож, тетушка ловко поддела фотографию... И извлекла другую, приклеенную лицевой стороной вниз прямо под той безобидной, с пальмой.

Так, это уже интересно.

На фото был изображен довольно молодой человек, слегка похожий на моего отца. Он стоял на фоне типично советской стены – глухой, серой, с вылезавшими из стыков потеками раствора, и курил. Сигарету он держал так, как держат ээки.

– Вот мой брат, Сергей Охотников. Отец Костика и твой, Женечка, дядя.

– Он что, сидел? – несколько невпопад спросила я, подпортив торжественность момента.

Тетя вздохнула:

– Он занимался правозащитным движением и в конце концов получил срок. Небольшой, всего года два.

– Почему так мало? Насколько я помню, за политические статьи давали гораздо больше, – изучая фотографию, пробормотала я. На секунду подняв взгляд, я увидела, что Костик дико на меня смотрит. Ах да, речь ведь идет о его отце.

– Извини! – бросила я парню и продолжила изучение. Фото было сделано явно после тюремного срока. Едва отросший «ежик» волос, пары зубов не хватает. Но человек не выглядел сломленным, наоборот – во всем облике Сергея Охотникова было нечто, что наш инструктор по психологической подготовке называл словом «кураж». Он утверждал, что без этого трудноопределимого свойства не стоит даже браться за опасные дела – будь то грабеж банков, освобождение заложников или разведка. То есть предстоящая специальному агенту операция должна быть тщательно подготовлена, всячески просчитана, риск оценен и взвешен... А «на дело», так сказать, все равно следует идти «с куражом». Пират, ох, пират был этот самый Сергей Охотников! Интересно, чем он занимался?

– Мало?! – возмутилась тетюшка. – Нам всем хватило! Сергей всегда доставлял массу неприятностей родителям, а уж когда он сбежал за границу... Хотя ты права. Дело в том, что брат получил срок не по политической статье, а за банальное хулиганство. Во время демонстрации седьмого ноября, в годовщину Октябрьской революции, куда он отправился вместе со своими друзьями, студенты устроили митинг протеста. Сергей был вместе с ними, но по дороге разбил витрину, и его задержал милицейский патруль. В итоге его однокурсники получили большие сроки, а Сережа всего два года. Советская власть всегда была добра к пьяницам и хулиганам...

– А как он попал за границу?

– О, это потрясающе! – оживилась Мила. – В начале восьмидесятых Сережа купил путевку в ГДР и перелез через знаменитую Берлинскую стену! Представляешь, среди бела дня, на глазах у прохожих и пограничников! В него стреляли, но не попали. Так он оказался в ФРГ, а потом перебрался в Канаду.

Вот, я же говорю – пират!

Тетя пригорюнилась и подперла щеку рукой:

– А я так и не увиделась с братом до самой его смерти! Твой папа, Женечка, тот вообще и слышать о Сергее не хотел! Еще бы, у нас всех были такие неприятности! Меня едва не вышвырнули с работы, я долго ходила в «серый дом» и доказывала, что не только не помогала брату, но и ничего не знала о готовящемся побеге. А уж какие проблемы начались у Максима! Ему много лет не давали очередное звание, Максиму с семьей пришлось таскаться по дальним гарнизонам вместо того, чтобы спокойно жить в городе. Только в конце восьмидесятых с него сняли это клеймо, и в отставку он все-таки вышел генералом, как и мечтал.

Так вот кому я обязана своей детской вольницей – дяде Сергею! Прекрасно помню эти дальние гарнизоны. На одном из них мы с подружкой устроили переполох всему полку – прятались на полигоне, изображая «условного противника»!

– А почему Сергей не объявился потом, когда стало можно? – поинтересовалась я.

– Ну, я много раз приглашала его в гости, но он всякий раз отказывался. Сначала его держала семья – в Канаде Сережа женился, родился Костик... У Сергея была какая-то интересная

работа... я подозреваю, что-то секретное, такой уж он был человек. Да и погиб он внезапно – поехал в Лондон и там попал под поезд метро.

Так, по крайней мере, теперь я знаю, кого из родни мне благодарить за авантурную жилку в характере. Наследственность – великая вещь, а я-то все раздумывала, почему абсолютно не похожа по характеру ни на свою мягкую и деликатную маму, ни на скучноватого, очень «правильного» отца. Спасибо дяде...

– Так что я очень обрадовалась, когда Костик связался со мной и попросил разрешения навестить, – закончила свою мысль тетушка. – Ты ведь не будешь возражать, Женечка, если Костя немного поживет у нас?

Ворочаясь без сна на диванчике в гостиной – исключительно неудобном и не предназначенном для ночлега, я раз за разом прокручивала в голове возникшую ситуацию. Мой внутренний голос прямо-таки вопил, что незваный гость – чрезвычайно подозрительный тип. Но у меня не было ни единого доказательства, а потому и ни малейшего шанса убедить в этом тетю, которая с ходу поверила «Костику» и уже приняла его на правах племянника в свое гостеприимное сердце.

Рассказанная парнем история выглядела вполне правдоподобной. В конце концов, у меня действительно был сбежавший за границу дядя, революционер, смутьян и пират. Почему бы парню не быть его сыном? Выглядел Константин как надо, не имелось ни единой мелочи, которая выдавала бы в нем самозванца... Да и зачем это было нужно? Мы с тетей живем достаточно скромно, фамильными бриллиантами не владеем, огромного наследства не ждем... Разве что у Милы есть еще парочка братьев, о которых я не имею понятия...

Но в этом Косте была некая неправильность... Пытаясь ее найти, я и ворочалась без сна. На самом деле моя спецподготовка позволяет мне спать хоть в грязи, хоть по горло в ледяной воде – ну, если нужно для дела. И никакой продавленный диванчик не мог бы лишить меня сна, если бы не эти тревожные мысли.

Раз за разом я вспоминала сегодняшний вечер, анализировала рассказ тети, слова самозванца. В своей комнате сладко похрапывала Мила, из моей комнаты, которую по праву гостя занял Кузен, не доносилось ни звука. И только под утро меня словно подбросило. Я села, вглядываясь в предрассветную темноту. Вот оно!

Меня напрягает странный английский гостя! Хотя в дипломе у меня стоит специальность «референт-переводчик», на третьем курсе я получила предложение, от которого не смогла отказаться, – перешла в спецгруппу «Сигма». Так что, хотя при необходимости я действительно могу вполне профессионально выполнять обязанности переводчика, на деле я специалист совершенно в иной области. В частности, в мои обязанности входит охрана – людей, объектов, грузов. А это значит, я привыкла подозревать всех и каждого.

Так вот, английский этого парня с первой минуты показался мне подозрительным. Он отдавал то ли Бруклином, то ли Бронксом. По крайней мере, мои знакомые-эмигранты, давно живущие в Америке, говорят именно так.

И, честно говоря, русский у него тоже какой-то странный... Ну, это как раз нормально. Потомки эмигрантов часто разговаривают на искаженной, «домашней» версии родного языка. Дело в том, что люди забывают язык довольно быстро. Разумеется, взрослый человек никогда не забудет язык своего детства. Но, попав в новую языковую среду, особенно погрузившись в нее, как говорится, с головой, эмигрант вырабатывает для себя некий сплав двух языков. Особенно это заметно на примере русских, живущих где-нибудь на Брайтон-Бич: «О, такой красивый флэт, прямо за тем корнером, там еще рядом бас-стейшн!» Слова, которые удобнее произносить на английском, вставляются в русскую речь, как бриллианты в кольцо. Слово там, привычный оборот здесь... Так вырабатывается «домашняя» версия родного языка. А уж на каком удивительном русском разговаривают потомки эмигрантов в замкнутых общинах! Старобрядцы из Бразилии, казаки, живущие в Южной Африке, – эти семьи поколениями созда-

вали семьи только среди своих, не смешиваясь с местным населением, и язык сохранили в чистоте – таким, каким привезли его когда-то в эту страну. Жаль только, к современному русскому он имеет весьма отдаленное отношение...

В общем, и русский, и английский Константина вызвали у меня некоторое беспокойство. Но, возможно, я слишком строга к парню. Чересчур привыкла подозревать всех и каждого, ждать от ближних обмана, подвоха, удара в спину – и это еще в лучшем случае, в более серьезном это может быть пуля. Надо же, как смотрела тетушка Мила на этого Кузена! Такой теплотой ее глаза светятся только иногда, когда она глядит на меня. Может, я просто ревную? Обычная детская ревность: «Тетя, кого ты больше любишь – меня или братика? Нет, меня, меня!»

Я всегда была единственным ребенком в семье. Поэтому в детстве мне не пришлось столкнуться с детской ревностью. Неужели это глупое и недостойное чувство накрыло меня сейчас – меня, взрослую, вполне успешную женщину, спецагента и телохранителя с отличной репутацией?! Просто не верится!

Короче, я этого так не оставлю. Понятия не имею, кто такой этот Кузен и для чего приехал в наш дом, втерся в доверие к Миле, но обязательно выясню...

Глава 2

К воскресенью ситуация превратилась в критическую. Слушая, как Кузен нахваливает тетушкин омлет, я лениво размышляла о том, как хрупка наша жизнь. Что там говорилось про неких болванов, строящих дом на песке? Вот я жила себе спокойно, и смысл моего существования составляла работа. Да, не стану скрывать – я типичный трудоголик. И пусть моя работа не похожа на то, чем занимается «офисный планктон», разница между нами не так уж велика. Дело в том, что работа позволяет мне реализоваться. Я могла бы и по сей день давать частные уроки иностранных языков и подрабатывать переводами – именно этим я зарабатывала на жизнь в первые недели после приезда в Тарасов. За эти годы у меня и в этой профессии была бы отличная репутация и стабильный круг клиентов, так что по деньгам выходило бы ничуть не хуже. Но ведь дело не только в деньгах.

Да, конечно, эта сторона жизни для меня очень важна. Приличные заработки позволяют мне жить так, как я хочу: содержать себя и тетушку Милу, покупать ей дорогие лекарства и собрания сочинений ее любимых писателей, а себе – приличную одежду и всякие приамбасы для моей специфической работы. Я рада, что могу позволить себе дорогую стрижку, хороший тренажерный зал, а порой устраиваю себе небольшие каникулы и отправляюсь посмотреть мир. Деньги делают меня независимой, но на самом-то деле...

Признаюсь честно, когда я покинула группу «Сигма», не желая быть дрессированной овчаркой на страже чьих-то не очень чистых интересов, я была уверена, что уж теперь-то начну новую жизнь. Вот прямо с понедельника и начну! И в этой жизни не будет никаких спецопераций, освобождения заложников, многочасовых засад под ледяным дождем, ночных маршбросков в полном снаряжении, приказов, которые не стоит анализировать, а надо немедленно, не рассуждая, выполнять – в общем, всех «прелестей» моей прежней работы.

Но вот прошло совсем немного времени, и оказалось, что мне чего-то не хватает. С тех пор как мне исполнилось семнадцать и я поступила в «Ворошиловку» – закрытое учебное заведение для дочерей военачальников, я всегда училась. Сначала это была теория – впрочем, весьма интересная – иностранные языки, к которым я с детства проявляла интерес, история и экономика, основы различных наук – к примеру, мне очень нравилась химия, жаль, не хватило времени изучить ее глубже. А потом, на третьем курсе, когда я совмещала учебу в «Ворошиловке» с занятиями в спецгруппе, к теории прибавилась и практика. Каких только заданий мы не получали! О некоторых я до сих пор не имею права рассказывать. А тренировки? Нас учили переносить голод, холод и боль, выживать в экстремальных условиях, превращать в оружие самые безобидные предметы. Обучение было трудным – порой на пределе человеческих возможностей, а иногда и за пределом... Но с каждым днем обучения эти пределы расширялись. Вот это нравилось мне больше всего.

Когда я приступила к службе, все эти навыки мнегодились, а некоторые спасли жизнь – и не только мне, но и другим людям. Например, заложникам, которых мы освободили из захваченного террористами развлекательного центра. Представьте себе аквапарк, беспомощных, раздетых, охваченных паникой людей, которые пришли сюда отдохнуть, многие привели детей... И террористы с автоматами – отлично подготовленные, с помощью взятки продажному менту они протащили в развлекательный центр целый грузовик снаряжения, в том числе взрывчатку.

Пока спецслужбы вели с террористами переговоры, наша спецгруппа проникла в здание через стеклянные конструкции купола. Нам удалось уничтожить террористов, и ни один заложник не пострадал – кроме двоих мужчин, убитых этими гадами в самом начале, еще до штурма. Мы провели операцию без потерь, хотя никто нам не верил, что такое вообще возможно.

Так вот, оказавшись в «мирной жизни», я поняла, что долго так не протяну. Дело в том, что долгие годы обучения сделали из меня, Жени Охотниковой, идеальную машину – великолепно тренированную, готовую к любым задачам. Мне не нравились цели, которые те, кто имеет право отдавать приказы, достигали с моей помощью и с помощью таких же, как я. Ну что же – теперь выбирать цели мне предстояло самой. Только я решала, как именно использовать мои навыки – для убийства, ради обогащения, для собственного удовольствия или чтобы помогать кому-то, «служить и защищать». Но отключить эту великолепно отлаженную машину я не могла. Слишком глубоко, на уровне подсознания были вбиты в меня эти специальные навыки. Зато я могла ее перепрограммировать. Что я и сделала, покинув привычную среду, отказавшись от всех старых связей и знакомств и начав жизнь с чистого листа. Я приехала в Тарасов и поселилась у тети. Все, конец истории.

Но нет, тут появляется этот Костя и ломает мою отлаженную жизнь! Дело в том, что каждый раз, берясь за очередное задание, порой опасное, я была уверена – уж тыл у меня прикрыт! У меня есть дом, и есть человек, который меня искренне любит, – тетушка Мила. И в наших отношениях ничего не может измениться – только лекарств с каждым годом нужно все больше...

Это и называется «строить дом на песке». Я попала в психологическую ловушку – все мы в нее попадаем, переставая замечать того, кто живет рядом с нами. Мы не видим реального человека, а создаем себе некий застывший образ и именно с ним общаемся, разговариваем, пьем чай вечерами. «У тебя все нормально? Ну, пока, я буду поздно, как всегда». Я забыла, что Мила – живой человек, а людям свойственно меняться, иметь свои собственные желания, которые не всегда совпадают с нашими...

Так, пора вставать! Я накинула халат и торопливо прошмыгнула в ванную, где уже спокойно переделалась в спортивный костюм – я собиралась на пробежку. Как все-таки неудобно, когда в доме чужой человек!

– Доброе утро! – приветствовала я своих родных, входя на кухню.

Мила молча кивнула и принялась заваривать чай. Несмотря на утренний час, в кухне работал маленький телевизор – я подарила его тетушке пару лет назад, чтобы она могла готовить и одновременно смотреть старые фильмы на канале «Культура».

Костик тут же вскочил, широко улыбаясь, и зачем-то придвинул мне стул, хотя я вполне могла дотянуться до него сама. Кузен вообще безумно раздражал меня тем, что постоянно оказывал мне мелкие бытовые услуги – совершенно излишние. Он открывал передо мной дверь, когда я хотела пройти из кухни в комнату, подавал ветровку, когда я собиралась на пробежку, причем таким шикарным жестом, точно это была не ветровка, а шиншилловое манто, ну и так далее. Его преувеличенная услужливость и постоянная, как свет на лестничной клетке, улыбка в тридцать два зуба составляли резкий контраст с моей угрюмой мрачностью. На что Кузен, вероятно, и рассчитывал.

«Еще в четырех странах зафиксированы вспышки неизвестного ранее вируса, – донесся до меня голос диктора с экрана телевизора. Шел утренний выпуск новостей. – Ученые всего мира изучают вирус, пытаясь остановить распространение эпидемии, но пока безрезультатно. Британские ученые заявили, что им удалось выяснить, что это совершенно новый, неизвестный науке вирус, он имеет искусственное происхождение. Пока неизвестно, в какой из лабораторий мира он синтезирован и кто виновен в утечке смертельно опасного материала. В Ирак направлена Международная комиссия ООН с тем, чтобы в принудительном порядке осмотреть биохимические объекты этой страны. Президент Ирака уже заявил протест международному сообществу и выступил с обращением к народу. Он заявил, что в любой момент все граждане должны быть готовы подняться с оружием в руках на защиту интересов...»

Я взяла пульт и выключила новости.

– Хочешь омлета? – не оборачиваясь, спросила Мила.

– Нет, спасибо, я сначала побегаю! – как могла приветливо произнесла я, взяла бутылочку с водой и, проигнорировав придвинутый Кузеном стул, вышла из кухни.

Утро было довольно позднее – обычно я выхожу на пробежку часов в шесть. Машин в это время почти нет, редкие прохожие спешат по своим делам, и весь город принадлежит мне. Я очень люблю эти утренние часы – самые лучшие свои планы, самые дерзкие комбинации я продумываю с плеером в ухе, равномерно вдыхая прохладный воздух.

Но сегодня время приближалось к десяти, июньское солнце уже начало припекать и нагрело асфальт, от разноцветного стада машин поднимался голубоватый выхлопной газ, и о спокойной пробежке можно было забыть. Я свернула со своего привычного маршрута и побежала по узким и грязноватым улочкам, которые скрывались за отремонтированными фасадами центральных улиц. Тут ремонта не было никогда, хоть сейчас делай фотографии и посылай на выставку «Тарасов исторический». Во дворах стояли полные до краев мусорные баки, из одного при моем приближении брызнули диковатые кошки. Зато здесь почти не было прохожих, и можно было бежать, не опасаясь налететь на мамашу с детской коляской.

Почему Кузен поселился в нашем доме? В городе полно гостиниц, и давно прошли те времена, когда приезжий родственник торжественно заселялся к своей родне – «Ну, мы же не чужие! Нет, нет, только к нам, а не то обидимся!» Так нет, этот тип решил непременно пожить у нас в квартире! Интересно, зачем ему это?

Все три дня, что Костик прожил в нашем доме, я внимательно наблюдала за ним. Мало того – подозрение, которое возникло у меня в первую минуту, когда я увидела Кузена на пороге с букетом роз, не только не рассеялось, но даже окрепло. И хотя я по-прежнему не могла логически объяснить, почему так уверена в том, что Костя – самозванец, отказываться от своих подозрений я не собиралась.

Я выяснила, что Кузена интересует не сама квартира или что-то, в ней находящееся. Чтобы спровоцировать самозванца на решительные действия, я специально на второй день его пребывания в Тарасове устроила операцию «один дома». После обеда я предложила тетушке прогуляться, а Костю с собой не позвала. Мила заикнулась, что неплохо бы и гостя пригласить, но я ответила решительным отказом. Мы, мол, прогуляемся недалеко, до аптеки, посмотрим тонометры нового образца, которые знакомая аптекарша обещала отложить для Милы, а Костику это будет неинтересно.

Пока мы неспешно прогуливались по бульвару, выбирали тонометр и еще более неспешно шли обратно, я злорадно усмехалась про себя. Давай, паршивец, делай то, зачем забрался в наш дом! А я потом посмотрю – ведь тебе и невдомек, что у меня на книжной полке, среди богатой коллекции тетиных детективов, установлена видеочка, которая постоянно пишет, стоит кому-то возникнуть в поле ее зрения – там у меня довольно хитрый датчик движения, чтобы не снимать понапрасну тетины фикусы...

Но Кузен в мою ловушку не попался. То ли заподозрил неладное, то ли изначально не собирался обыскивать наш дом. Так, значит, его интересует не квартира... Очень скоро я поняла, что объектом интереса самозванца является сама тетя Мила. Новоявленный племянник не отходил от нее ни на шаг. Он пил с тетей чай и смотрел телевизор – даже сериалы, на что мужчины в принципе не способны! Он лепил с Милой домашние пельмени и вместе с тетей гадал, кто же убийца в очередном ее детективе. Он смотрел с Милой альбом с семейными фотографиями, выслушивал бесконечные истории о наших родственниках – и, надо признать, оказался гораздо терпеливее, чем я. А еще он расспрашивал тетю о ее многочисленных знакомых. Казалось, ему не скучно слушать историю жизни престарелой балерины – в прошлом красавицы, обладательницы огромной коллекции любовников и драгоценностей, ныне доживающей свой век в обществе пожилой болонки. Костю не напрягал многосерийный рассказ о многодетной семье, которой тетя помогала уже много лет, борясь с судьбой, алкоголизмом и страстью к саморазрушению, присущим, кажется, всем членам этой семьи прямо от колы-

бели. Кузен даже попросил Милу познакомить его с каким-то пенсионером, давним приятелем тетушки – в советские времена Мила каждое лето проводила в санаториях и неизменно привозила оттуда «курортные знакомства».

Я старалась не оставлять Милу наедине с Кузеном. Мало того – я даже отказалась от предложенной мне работы по сопровождению груза, хотя работа была не бей лежачего, а оплата более чем достойная. Заказчик настоял на личной встрече, а когда я все же отказалась, удивленно поднял брови. Я понимала, что эти поднятые брови будут стоить мне весьма существенной суммы – репутация такая вещь, что потерять ее можно в один миг, а клиент был явно недоволен, с чего это я капризничаю. Но выбора у меня не было – безопасность тетушки для меня дороже всего.

Я начала расставлять Кузену ловушки – задавала неожиданные вопросы, причем касаться они могли чего угодно – географии или семейной истории, знания языка или собственной жизни Константина. Кстати, о своей биографии молодой человек предпочитал не распространяться – отвечал уклончиво, отделялся общими фразами. Я сделала вывод, что его рассказ о Финансовой академии, как ни странно, чистая правда, а вот на вопрос, на каком кладбище похоронена его мать, он дважды дал разные ответы. Я не стала заострять внимание на этом проколе, только улыбнулась про себя. Попался, голубчик... Мне бы еще немного времени, и я выведу тебя на чистую воду.

Проблема заключалась в том, что тетушка была буквально влюблена в Кузена. Ах, какой Костик милый, какой внимательный, до чего заботливый! И – главное – как похож на бедного Сережу! С этим я ничего не могла поделать. Чем более неприязненно я относилась к Кузену, тем отчаяннее тетушка бросалась на его защиту. А мои подозрения в адрес «бедного мальчика» Мила находила совсем уж оскорбительными. «В конце концов, это же родная кровь! – горячилась тетя. – Я не могу тебе объяснить, я просто... просто чувствую!» В общем, мы с тетей находились в равном положении – ни она, ни я не имели ни единого доказательства своей правоты.

Если Мила и дальше будет защищать Кузена, как тигрица тигренок, то мои шансы вывести самозванца на чистую воду резко падают...

Оглушительный шум отвлек меня от невеселых размышлений.

Я находилась в темном и замусоренном дворе старого дома. Огромные тополя совершенно закрыли небо и создавали прохладный полумрак даже в это солнечное утро. На пятачке асфальта напротив друг друга стояли двое «собачников» – так в Тарасове называют тех, кто выгуливает своих питомцев. Хотя во времена моего детства это название носили рабочие коммунальных служб по очистке города – попросту говоря, те, кто разъезжал на жуткого вида фургонах и ловил бродячих собак. Помню, мы с подружкой Сашей однажды подкрались к такому фургону и выпустили всех пленников, а потом долго убегали от разъяренного мужика с железным крюком в руке...

Тощий парнишка лет пятнадцати держал на поводке старого толстого бассета. Бассет, если кто не знает – это собака, у которой такие короткие ноги, что пузо порой просто волочится по земле, и такие длинные уши, что оставляют следы в пыли, а на время еды, чтобы уши не падали в миску, любящие хозяева скалывают их на макушке пса бельевой прищепкой. Другим участником конфликта был молодой мужик в майке с эмблемой местного футбольного клуба. Он едва сдерживал рвущегося с цепи ротвейлера, который оглушительно лаял, а в перерывах лязгал зубами, как жуткая электромясорубка. Судя по его виду, это занятие ему никогда не надоедало. Ошейник ротвейлера изнутри был усажен шипами, но собака на них никак не реагировала.

– Уберите вашу собаку! – завопил парнишка и попытался утащить бассета к подъезду. Но старый пес флегматично наблюдал за машиной для убийства, что рвалась к нему, и сдвинуть

его не было никакой возможности – несмотря на приземистость, бассеты вовсе не маленькие собачки, они очень тяжелые, а кроме того, упрямы как ослы.

– Сам убери свою скотину! – заорал мужик, пытаюсь перекричать ротвейлера.

– Да не хочет он идти! – парнишка отчаянно тянул бассета за поводок, но тот уперся в землю всеми четырьмя лапами и упрямо наклонил голову. Бассет явно не считал, что прогулка окончена.

– Ну, тогда держись! – заржал молодой мужчина и сделал такое движение, будто спускает собаку с цепи. Парнишка закричал.

– Да пошутил я, не ссы, пацан! – окончательно развеселился хозяин ротвейлера и продемонстрировал цепь, по-прежнему намотанную на руку. – Что это за скотина у тебя такая? Разве это собака? Вот у меня – смотри сюда – собака! Чемпион, понял?

Хозяин с минуту подумал, потом закончил свою сложную мысль:

– У настоящего мужика должна быть настоящая собака. Ну, то есть если ты реально мужик...

– А собака реального мужика знает команду «фу»? – поинтересовалась я, подходя ближе, но все же остановившись на достаточном расстоянии. К служебной собаке, особенно такой, как эта, нужно относиться осторожнее, чем к гранате с выдернутой чекой.

Мужика явно заинтересовала моя персона. Он без всякой необходимости дернул собаку за цепь – бедная псина захрипела, молотя лапами по воздуху, а потом зашлась совсем уж остервенелым лаем, но зато во время этого маневра на руках хозяина вздулись отличные бицепсы.

– Он у меня все команды знает. Чемпион России! – гордо заявил хозяин. Ну, это вряд ли. Собака, конечно, мощная, но совершенно невоспитанная, и психика, похоже, расшатана до предела.

– Бедная псина! До чего же тебя довели! – посочувствовала я кобелю.

– Чего это он бедный? – возмутился хозяин. – Знаешь, сколько мяса жрет за день?

– Такая собака никогда не станет чемпионом – не позволит стандарт породы, – сказала я безжалостно. – Он у тебя дикий, психика не в порядке, человеку не подчиняется. Даже тебе. Если не умеешь дрессировать сам, обратись к профессионалам. Хочешь, дам телефон знакомого заводчика? Он тебе за две недели приведет собаку в порядок.

– Да с ним и так все в порядке! – взвыл мужик. – На хрена мне твой заводчик, деньги только тратить?!

– Твоя собака, – пожалала я плечами. – Псину только жалко, он же ни в чем не виноват. Правда, малыш?

Я не стала улыбаться ротвейлеру – для собак улыбка равнозначна оскалу, а значит агрессии. Но пес прекратил истошно лаять и замолк. Хозяин тут же дернул его за цепь, и концерт продолжился.

Какой-то скрежет послышался за моей спиной. Я обернулась. Это старый бассет пытался лаять, но не для того, чтобы достойно ответить ротвейлеру, а чтобы привлечь наше внимание. Парнишка – его хозяин, сползал на землю по стволу дерева. Лицо его посинело, он обеими руками держался за тощие ребра и силился вздохнуть.

– Астма? – спросила я, и парнишка еле заметно кивнул. Воздух выходил из его горла с тонким свистом.

– Чего это с ним? – спросил мужик. Мне некогда было тратить на него время.

– Ингалятор где? – снова обратилась я к мальчику. Тот дрожащей рукой хлопнул по карману джинсов. Больные с такой тяжелой формой астмы обычно постоянно имеют при себе ингалятор с лекарством. Я приподняла парнишку под мышки и усадила на скамейку. Достала ингалятор у него из кармана. Так, вспоминай, Охотникова, чему тебя учили...

Я сняла крышку, перевернула ингалятор и выпустила одну дозу в воздух. Отлично. Все работает. Потом поднесла прибор к губам мальчика и дважды вбрызнула лекарство, дожидая

ясь, чтобы выброс совпадал с судорожным вдохом. Прошло не меньше пяти минут, прежде чем мальчик смог перевести дыхание. Понадобилась еще одна дополнительная доза, чтобы привести парня в приемлемое состояние.

– «Скорою»? – спросила я, держа мальчика за плечи. Тот помотал головой и с трудом выговорил:

– Не надо, у меня так часто. Матери позвоните.

Я взяла его мобильный телефон и набрала «Дом». Мне ответил встревоженный женский голос. Я коротко объяснила, в чем дело, и вскоре во двор выбежала женщина с бледным от страха лицом. Она бросилась к мальчику и прижала его к себе.

– Мам, ну что ты, все уже нормально.

Мать подхватила парнишку и повела к подъезду. Бассет флегматично плелся сзади.

Я подождала, пока они скроются в доме, а потом повернулась к мужику.

– Ты чего? – попятился тот. – Я тут при чем? Пацан больной, гнилой совсем...

– Твоя идиотская шутка, будто ты спустишь собаку с поводка, вызвала у парня стресс, а это спровоцировало приступ астмы, понял, debil? – популярно объяснила я.

– Че, правда? – удивился мужик. – Так он не меня испугался, а Короля...

Королем, значит, звали псину.

– Твой Король – просто собака. А вот ты – человек, и должен шевелить своими мозгами, они тебе для того и даны, чтобы думать!

Я была вне себя от ярости и сдерживалась, честно говоря, из последних сил. Неделя у меня была тяжелая...

– Поду-умаешь! – протянул мужик. – Никто же не помер! А ты мне не хама, а то...

Ну вот, нарвался.

– А то – что? – ласково спросила я.

– А то Король из тебя фарш сделает!

– Сволочь ты, – грустно проговорила я, вынимая плеер и аккуратно сматывая провода перед тем, как спрятать его в карман. – Ладно, с тобой все ясно. Вот смотри, кладу на асфальт визитку заводчика, о котором я тебе говорила. Потом, когда все кончится, подберешь. И запомни мои слова, пока ты еще способен что-то воспринимать – таким, как ты, нельзя держать таких собак. Заведи лучше хомяка...

Он все-таки выполнил свою угрозу – до последнего я не верила, что он спустит с цепи ротвейлера и натравит на меня. Увесистая туша Короля – килограммов шестьдесят сплошных мускулов – врезалась в меня, я вешу столько же, поэтому не удержалась на ногах, и мы с Королем покатались по асфальту. Вначале пес попытался добраться до моего горла. Поняв, что сделать этого я ему не позволю, решил, что лучше всего перекусить мою руку. Бедняга! Умение справляться с атакующей собакой без всякого снаряжения в свое время принесло мне твердую пятерку на экзамене. Схватка с собакой заканчивается молниеносно – у животных есть инстинкт, он велит им прекратить бой, если становится ясно, что противник сильнее, продемонстрировать покорность и получить свой шанс остаться в живых. Природа не зря заложила такой ограничительный механизм – иначе, если бы все звери бились до смерти противника, как это делают люди, кто бы оставил потомство? Но сторожевые собаки устроены иначе – их болевой порог очень высок, в пылу атаки они вообще не чувствуют повреждений и способны биться до тех пор, пока в них теплится жизнь. Ненавижу тех, кто специально сломал ограничительные механизмы природы и превратил собак в убийц на потеху людям. Вот и Король не собирался останавливаться, хотя я сидела на нем верхом, прижав его бешено лязгающие челюсти к асфальту и удерживая голову собаки между коленей. Пес вроде бы понял, что противник ему не по силам, и затих.

– Давай, Король, порви ее! – заорал хозяин, и пес, повинувшись команде, рванул на свободу. Стало ясно, что хозяин не даст ему успокоиться, а это значило, что собаку придется трав-

мировать. Я примерилась и резким ударом об асфальт сломала Королю челюсть. Пес взвыл. Удерживая шею собаки одной рукой, другой я выдернула шнурок из пояса своих спортивных штанов и связала Королю все четыре лапы вместе – как это делают ковбои, связывая бычка. Пес беспомощно шевелился на асфальте, пытаюсь подняться, а ко мне уже несся его хозяин.

– Ты, тварь! – завопил он, пытаюсь ударить меня ногой. – Ты знаешь, сколько стоит эта собака?! Да ты век не расплатишься!

Я поймала нападавшего за так услужливо предложенную ногу. Приблизиться ко мне мужик не мог – мешала собственная конечность, а долго прыгать на одной ноге тоже было неудобно. Поэтому мне оставалось лишь чуть-чуть придать ему направление, когда он решил упасть, и направить его точнехонько в ствол старого тополя.

Агрессор булькнул и затих. Я подошла и приподняла его голову за волосы, кстати, уже начинавшие редеть на макушке. Похоже, и у этого челюсть сломана...

– Вы с собакой получили одинаковые травмы, – проговорила я в мутные голубые глаза, страдальчески смотрящие на меня. – Только бедный Король пострадал из-за тебя, своего тупого хозяина. Теперь вы в течение месяца будете питаться бульоном через трубочку. Да смотри не вздумай усыпить собаку – Король молодой, такие травмы проходят бесследно. Потратишься на ветеринара, зато сэкономишь на мясе. Уверена, за этот месяц вы хорошо поладите друг с другом – он не сможет кусаться, а ты не сможешь орать. Вам пора пересмотреть ваши отношения. Так что не потеряй телефончик!

Я отпустила мужика и поинтересовалась:

– «Скорую» вызвать?

Мужик уставился на меня с лютой ненавистью, однако подумал – и кивнул. Я вызвала сразу две «Скорые помощи» – ветеринарная приехала первой. Я заплатила за первые сутки пребывания Короля в клинике, а также дала координаты – адрес, телефон и паспортные данные его хозяина. Паспорт весьма кстати оказался у него в борсетке. Когда Короля увезли, приехал амбуланс к его хозяину, я помахала рукой на прощание и оправилась по своим делам. Долгий опыт общения с типами, подобными этому, подсказывал, что в правоохранительные органы хозяин Короля не обратится, а свою травму объяснит столкновением со стволом старого тополя – тем более что это было чистой правдой...

Настроение у меня немного улучшилось – драка помогла выплеснуть напряжение, копившееся во мне с самого приезда Кузена.

Так, теперь еще полчаса бега – и домой. Я вставила в уши наушники, но подключила только один – терпеть не могу, когда мое восприятие мира чем-либо ограничено. Тем более что я нахожусь не на безопасных дорожках парка, а посреди города, и мне бы хотелось знать, что происходит вокруг. Я решила послушать местное радио – там бывает довольно приятная музыка. Только я успела настроиться на подходящую волну, как музыка сменилась выпуском новостей. Сначала ведущий объявил о готовящемся Дне города, затем о ремонте теплотрасс, и только потом перешел к международным новостям. «Как сообщают новостные ленты ведущих информагентств, сегодня стало известно, что террористическая организация «Белый барс» взяла на себя ответственность за происходящее, заявив, что эпидемия неизвестной болезни, поразившая шестнадцать стран мира, есть результат террористической атаки. Организация «Белый барс» впервые заявляет о своем существовании. Представители группы утверждают, что вирус сконструирован в подпольной лаборатории, лекарств от него не существует. Атаки прекратятся только тогда, когда будут выполнены все требования террористов, среди которых введение изучения ислама в школах европейских стран и освобождение, цитируем, «всех томящихся в застенках воинов джихада». Все спецслужбы мира брошены на поиски террористов. Мир замирает в ожидании – где же произойдет следующая атака? Кто станет очередной жертвой фанатиков? К другим новостям. Цены на нефть...»

Я крутанула колесико настройки, ловя ускользящую музыку. Теперь террористы не имеют ко мне никакого отношения. Пусть их ловят те, кому по должности положено. А я буду охранять местных бизнесменов средней руки по пути на переговоры, их жен по дороге в спа и их детишек – на теннис и обратно. Все, Женя Охотникова больше не участвует в Большой Игре...

«Мы могли бы служить в разведке, мы могли бы играть в кино!» – надрывно запел плеер. А я стояла и смотрела на группу подростков у гаражей, совсем рядом со старенькой школой, закрытой по случаю каникул, надеясь, что мне только кажется, что все совсем не так, все безобидно. Но нет, спокойно закончить пробежку мне сегодня не суждено. Бэтмен на прогулке, часть вторая... Вот странно получается, я живу в Тарасове довольно давно. На пробежки выхожу каждый день, в любую погоду, само собой, если не занята работой. И никогда, ни единого раза не сталкивалась ни с чем подобным. А сегодня уже второй случай за одно-единственное утро! Нет, в этом точно виноват Кузен... Не знаю, как ему это удалось – может, он владеет магией, как Гарри Поттер? – но моя спокойная жизнь нарушена. А я ведь всего лишь хотела полчасика пробежаться перед завтраком...

Один пацаненок в черной футболке явно толкал какие-то таблетки пятерым малолеткам. По крайней мере, налицо были и деньги, и товар.

– Дай две, Дохлый, ну дай две! – приплясывал от нетерпения пятиклассник в шортах. – Одну мне, одну Светке. Ты же обещал, что оптом дешевле. А две – это уже мелкий опт!

Дилер засмеялся – тоненько, словно заблела овца, и помотал головой:

– Нет, врешь, опт начинается со ста, а мелкий опт – с десяти. Так что не выноси мне мозг, бери и вали отсюда побыстрее. Завтра еще принесу. Всем, короче, хватит.

– А мне? – спросила я и ухватила дилера за плечо. Тот задержался, пытаюсь вырваться, но поскольку на нем были кеды, я сделала вывод, что бегаёт он быстро. Гоняться за паршивцем по дворам мне не хотелось, поэтому держала я крепко.

– Ну че, ну че вам надо! – заныл дилер. Он обернулся, и я увидела, что не такой уж он пацаненок – лет восемнадцати, а то и старше, просто худой и недокормленный на вид – недаром он носил гордую кличку Дохлый.

– Все, пацаны! – обратилась я к мальчишкам. – Ваш друг Дохлый больше здесь не работает.

– А кто вместо него? – живо поинтересовался тот шустрый, что спрашивал про мелкий опт.

– А никто! – ласково проговорила я. – Вы больше никогда сюда не придете, ясно? И Дохлого искать не будете, да и никого другого тоже.

– А то что? – деловито спросил «мелкий опт».

– А то вместо Дохлого вы встретите здесь меня! – я оскалилась как можно кровожаднее. Задние попятнулись, готовые припустить без оглядки, но «мелкий опт» не унимался.

– А где же мне теперь «колеса» брать? – осведомился он.

– А нигде! – задушевно произнесла я. – Посмотри на меня. Что скажешь?

Мелкий опт задумался.

– Ну, вы, похоже, крутая. Кроссовки у вас дорогие, я в рекламе такие видел. Светка о таких мечтает.

– Светка – это кто? – спросила я.

– Девушка моя, – буркнул мальчишка.

– Хорошо. Теперь взгляни на Дохлого. Что ты видишь?

– В смысле? – не понял мелкий опт.

– Ну, в чем между нами разница?

– Это... типа... Здоровый образ жизни? – встрял один из тех, что стояли сзади.

– Точно! Молодец, сразу понял. Если ты будешь увлекаться этой дрянью и дальше, то через пару лет будешь как Дохлый. А если не будешь, то станешь как я – крутой, и со здоровьем все в порядке. Понял? И, кстати, на сэкономленные деньги купишь своей девушке кроссовки как у меня. Очень удобные.

В доказательство я притопнула по асфальту.

«Мелкий опт» задумался так глубоко, что я испугалась – вдруг непривычное усилие парализовало его умственные способности? Но я недооценила волшебную силу рекламы. Двадцать раз в день пацаненок слышал о «великолепной легкости и упругой силе» прославленных кроссовок из единственного источника, что служил для него авторитетом – с экрана телевизора. Что мог противопоставить этому Дохлый? Свои жалкие «колеса», от которых стучит в голове и сердце колотится, будто вот-вот выпрыгнет? Нет, великая материальная мечта гораздо сильнее...

Пацаненок кивнул и скрылся за углом гаража. Остальные начинающие наркоманы последовали за ним. «Пошли в кино, сегодня про Росомаху вторая часть!» – донесся до меня голос, и все стихло. Мы с Дохлым остались наедине.

– Отпустите меня, тетенька! – заныл парень каким-то гнусавым голосом – как беспризорник в кино про Гражданскую войну. – У меня мамка больная! А папка пьет, все деньги пропил, мне кушать нечего, вот я торгую...

– Чтобы я больше тебя здесь не видела! – рывкнула я.

– А где мне торговать-то? – окрысился Дохлый. – Это моя точка. Где поставили, там и торгую, поняла?

– Поняла, – вполне серьезно ответила я. Конечно, парень тут стоит не сам по себе – над ним есть старший, а над тем дилер покрупнее, а там самый главный барыга, и над всем – какая-нибудь сволочь, что буквально купается в деньгах. Связываться с наркомафией мне совершенно не хотелось. Даже у Бэтмена не вышло бы, честно! – Но здесь, рядом со школой, ты больше торговать не будешь. Иначе в следующий раз тебя тут прямо и повяжут. Хочешь?

Дохлый замотал головой. Ну конечно, вон как трясется! Наверняка сам торчок. В тюрьме никто ему «колесико» не поднесет, в тюрьму нам не хочется.

– Значит, так. На сегодня твоя торговля закончена. Я покупаю твой товар... так сказать, «мелким оптом». Вот тебе денежка, купи себе покушать, пока я не заплакала.

Я протянула тысячерублевую купюру. Вообще-то я не привыкла швыряться деньгами так, как сегодня утром – слишком тяжело они мне достаются. Но вдруг парнишка не соврал, вдруг он и в самом деле работает за еду? Такое бывает.

– Эй, эй, так не пойдет! Мой товар дороже стоит! – начал возмущаться Дохлый.

– Так я же оптом! – преодолевая хилое сопротивление, я выгребла из его кармана все таблетки.

– Фу, какая гадость! У тебя тут самая настоящая антисанитария! Крошки какие-то, деньги... А ты знаешь, сколько микробов на одной-единственной купюре, а? Гораздо больше, чем на сиденье унитаза!

Дохлый смотрел на меня в бессильной ярости, на глаза его выступили самые настоящие слезы. Ничего, те, кому он собирался продать свою дрянью, тоже достойны жалости.

– И что мне теперь делать? – растерянно спросил барыга.

– Понятия не имею, – честно ответила я. – На твоём месте я бы свалила из города. Есть у тебя какая-нибудь бабушка в деревне? И подождала, пока все утихнет. Ты не переживай, твоего непосредственного начальника скоро посадят. Или грохнут. Такие долго не живут. А когда про тебя забудут, вернешься. Поступишь в училище, на фрезеровщика выучишься. Сварщики сейчас тоже неплохо зарабатывают. Иногда прямо обидно – два раза горелкой провел – и мой недельный заработок в кармане. Мне на сварщика поздно переучиваться, а тебе в самый раз.

Дохлый смотрел на меня не мигая.

– Ну, или в армию бы пошел, родину защищать... Там тебя точно не достанут!

– Еще чего, ищи дурака! – прошипел дилер.

– Уже нашла, – грустно сказала я и высыпала таблетки в решетку ливневого водостока. Дохлый подскочил и попытался схватить хоть что-то, но было поздно. Парень поднял голову, и его симпатичная в целом мордочка исказилась – совершенно как у Горлума в моем любимом фильме «Властелин колец».

– Ну, все! Тебе в этом городе не жить! – скаля скверные зубы, прошипел Дохлый. – Поймают тебя и ноги переломают, и не нужны будут кроссовки... До свиданья, дура!

– До свиданья, Горлум! – ответила я и покинула гаражи.

Домой я вернулась почти к обеду. Тетушка Мила помешивала на плите что-то упоительно пахнущее, и настроение у меня резко улучшилось. Я не похожа на тех девушек, которым достаточно пары листиков салата и одной изюмины в день. Работа у меня тяжелая, нервная, да еще физические нагрузки, какие под силу далеко не каждому мужчине. Так что поесть я люблю. Лишний вес мне точно не грозит! Помимо работы и пробежек трижды в неделю я хожу в тренажерный зал.

Настроение мне немного испортил Кузен – он как раз закончил красиво раскладывать на тарелке тонко нарезанный хлеб. При моем появлении Костик широко улыбнулся и сделал гостеприимный жест:

– Женя! Присоединяйтесь к нам!

Ах вот как, уже дошло до «присоединяйтесь к нам»!

Я сладко улыбнулась в ответ – после пробежки я чувствовала себя способной даже на длительную беседу с этим типом – и ответила:

– Не беспокойтесь, Костя! Я только душ приму – и сразу к вам. Не успеете соскучиться...

Приняв душ и переодевшись, я вернулась на кухню и уселась за стол спиной к окну. Теперь на лицо моего собеседника падал свет. Отличная позиция для наблюдения. Ну-с, продолжим наши игры.

– Как вам нравится наш город? – светским тоном поинтересовалась я.

– О, спасибо, очень красивый! Такие старинные дома, и набережная, и эти ваши знаменитые фонари!

– Наши фонари известны даже в Канаде? – я вполне искренне была потрясена.

Костик замер. Казалось, у него в голове с тихим гудением работает компьютер, вычисляя, что можно говорить, а что нельзя. Так, решение найдено.

– Да нет же! – губы гостя раздвинулись в доброжелательной улыбке. – Я просто много узнал о Тарасове, когда готовился к поездке.

Тетушка поставила передо мной тарелку с луковым супом – это кушанье бедных швейцарских крестьян в Милином исполнении достойно королевского стола.

Я поблагодарила тетю, и она вполне благосклонно кивнула. Кажется, сегодня Мила в хорошем настроении... Что ж, продолжим.

– Скажите, Костя, если вам так нравится наш город, почему же вы никуда не ходите? Ни в Парке Победы не бывали, ни исторический центр толком не видели...

– Вы знаете, Женя, мне гораздо интереснее общаться с тетей. Я ведь ради этого сюда и приехал!

И паршивец умильно посмотрел на тетюшку, а та ответила ему доброй улыбкой.

– А давайте я вам устрою экскурсию по городу, хотите? Погуляем, пообщаемся. Заодно познакомимся поближе. Я ведь, в некотором роде, тоже ваша родственница...

Костик явно не хотел оставаться со мной наедине. И гулять по отдаленным объектам типа Парка Победы, где кричи не кричи, никто не услышит, вовсе не желал. Но как признаться в этом на глазах у Милы, которая вопросительно смотрела на племянника?

– Женя, я был бы очень рад, но, к сожалению, неважно себя чувствую. Что-то горло болит и знобит немного!

Надо же, и тут вывернулся! Первый раунд закончился в пользу Кузена, признаю. Но я хотя бы получила моральное удовлетворение – прихлебывая ароматный суп, я слушала, как Мила ахает над внезапно занемогшим племянником и перебирает народные средства, которые собирается применить в его лечении. Так, к примеру, там фигурировали шерстяные носки, набитые горчицей, а также сок алоэ, который следовало закапывать в нос. Все эти изуверские средства я ненавижу с детства и никогда не позволяю тете ставить на себе эксперименты. А Кузен, похоже, попал!

Доев суп, я отодвинула тарелку и заявила:

– Обожаю вашу страну – Канаду! Такая богатая и красивая! И знаете, Костя, что мне особенно нравится в вас, канадцах? Вы такие патриоты! Мои знакомые рассказывали, что вся страна празднует первое июня – день Канады!

– Июля, – поправил меня Кузен. – День Канады – первое июля!

Умничка ты моя! Продолжаем разговор. Знаю, ты к нему готов, но ведь и я тоже...

Мы вполне мило обсудили зоопарк в Торонто, и Костик немного расслабился.

– Я вам так завидую, Костя. Вы своими глазами видели Нотр-Дам! – восхитилась я.

Кузен недоверчиво смотрел на меня, ожидая подвоха. Потом сказал неуверенно:

– Нотр-Дам? Так ведь он в Париже...

– Ой, Костя, как вы можете не знать, что в Монреале есть свой Нотр-Дам, почти точная копия парижского! – притворно изумилась я.

Костя встал. Отодвинул тарелку. Расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке, точно готовясь к атаке. И ледяным тоном произнес:

– Евгения, вы все время задаете мне какие-то странные вопросы. Мне кажется. Что вы пытаетесь меня на чем-то поймать. Словно хотите выставить лжецом. Евгения, мне это крайне неприятно!

– А я и не стремлюсь к тому, чтобы тебе было хорошо и приятно! – заявила я. – Моя задача – сделать так, чтобы хорошо было Миле.

– Да неужели? – ядовито спросил Костик. – То-то она целыми днями сидела одна, когда вы где-то там устраивали свои дела!

– Я работаю, между прочим! И работа занимает практически все мое время! Ну, несколько раз я действительно съездила в отпуск, но в остальное время...

Стоп! Что я делаю? Оправдываюсь перед этим самозванцем?!

– Какое тебе дело! – заорала я. – Ты вообще никто! Мотай в свой Гондурас – или откуда ты там приехал!

– Я уеду тогда, когда мне скажет тетя Мила! – повысил голос Костя.

– Женя! – послышался дрожащий голос тетушки. В пылу ссоры я совсем о ней забыла. Обернувшись, я увидела, что тетя стоит, опираясь рукой о стол, а другой держась за сердце. Вообще-то сердце у Милы в порядке, насколько это возможно в ее возрасте, но когда она понервничает, начинается тахикардия.

Я вскочила и, придвинув стул, осторожно усадила тетю.

Что я наделала! Ведь знала же, что Миле нельзя нервничать! Только сейчас до меня дошло, в каком напряжении она провела все эти дни. Если уж мне было непросто, то что говорить о пожилом человеке... Я бросила злобный взгляд на Костю. Тоже хорош, Джеймс Бонд, агент два нуля...

Так, где у нас аптечка? Мила таскает ее за собой по всей квартире, так что белый ящичек с красным крестом на крышке может оказаться где угодно – под телевизором или в ванной. Кажется, я видела его в гостиной... Но Кузен меня опередил. Метнувшись в тетину спальню, он вернулся, таща аптечку:

– Сейчас, тетя, сейчас! Сколько капель вы обычно принимаете?

Накапав в рюмочку пятьдесят капель лекарства, Костик не забыл приготовить стакан с водой, чтобы запить спиртовой раствор. Так, опыт ухода за пожилыми у парня точно есть...

Мила запила лекарство водой, и щеки ее слегка порозовели. Она откинулась на спинку стула и перевела дыхание, а потом ласково похлопала заботливо склонившегося над ней «племянника» по руке и тихо проговорила:

– Спасибо, мой мальчик!

После этого Мила сделала то, чего я от нее никак не ожидала. Она посмотрела прямо на меня и тихим, но твердым голосом произнесла:

– Женя, тебе придется уйти.

У меня в буквальном смысле подкосились ноги, и я вынуждена была присесть на стул. Вообще-то мой тренированный организм защищен от внезапных психосоматических реакций долгими тренировками – я не падаю в обморок, у меня не холодеют руки и тому подобное. Но тут... Слишком это было личное, и слишком неожиданно.

– Куда... уйти? – глупо переспросила я.

– Ну, разумеется, не навсегда! – поспешно проговорила Мила. – Только пока Костик здесь. Поживешь в гостинице...

Я обернулась и посмотрела на Кузена так, что парень инстинктивно сделал шаг назад.

– Костя, выйди, пожалуйста! – попросила тетя. – Нам с Женей нужно очень серьезно поговорить.

Кузен вышел и деликатно прикрыл за собой дверь.

– Как ты себя чувствуешь? – первым делом спросила я Милу.

– Нормально. Не перебивай, прошу тебя.

Тетя уже приняла решение и не собиралась его менять. Она выглядела бледной, но собранной – признаюсь честно, такой Милу я не видела ни разу.

– Евгения, твои подозрения абсолютно беспочвенны. Ими ты оскорбляешь не только меня, но и память моего дорогого брата!

Я в изумлении уставилась на Милу. Ничего себе!

– И ты совершенно задержала бедного мальчика! У него пропал аппетит, он не может спокойно спать. Я же слышу, как он ходит в своей комнате...

– Я тоже слышу, как последние две ночи он ходит в моей комнате! У него просто совесть нечиста, вот что! А вернее всего, планы, ради которых он притащился в Тарасов, чем-то нарушены. Что-то у него не складывается, поэтому Кузен и нервничает!

– Так, все! С меня достаточно! – Мила на мгновение прикрыла глаза, а когда открыла, заговорила холодно и твердо. – Тебе придется переехать в гостиницу. На время. Это не обсуждается.

Ни разу в жизни Мила так со мной не разговаривала...

– Но почему именно я?! Пусть Кузен переедет. В конце концов, он иностранец, может, ему неудобно в маленькой квартире, а в гостинице все условия...

– Ни в коем случае! – воскликнула Мила. – Костик – мой гость, сын моего дорогого брата!

– Я тоже сын... тьфу, то есть дочь твоего дорогого брата! – возмутилась я.

Я почувствовала, как к глазам подступают самые настоящие слезы. Ого! Я не плакала с тех пор, как мне исполнилось лет двенадцать! Я закрыла лицо руками. Да, такого я точно не ожидала!

Тетя слегка сбавила обороты, теперь голос ее звучал мягко:

– Это ненадолго, правда! Костик ведь скоро уедет. Я не выгоняю тебя, Женечка, только прошу на время покинуть дом. Поживешь в гостинице... В конце концов, из-за своих бесконечных расследований ты и так не много времени проводишь дома.

Ну вот, шпилька на прощание... Ладно, Охотникова, заслужила.

– В конце концов, я же приняла тебя, когда ты в этом нуждалась! – тетушка слегка повысила голос.

Первый раз в жизни Мила попрекнула меня... Да, она права, все так и есть. Раз я вправе рассчитывать на тетино гостеприимство, так почему не может на него рассчитывать Костя? Все так, если бы Костя действительно был сыном Сергея Охотникова...

Я почувствовала, как во мне поднимается волна злости:

– Ну почему ты не хочешь меня слушать! Мила, ты наивна, как ребенок! Разве ты не видишь, что этот твой якобы племянник самозванец и аферист!

– Так, достаточно! – тихо, но твердо проговорила Мила. – Разговор окончен. Довольно того, что я ему верю!

Я открыла рот, чтобы сказать что-то еще в свою защиту... Но тетя снова приложила руку к груди. Нет, с доказательством правоты придется подождать. Жизнь и здоровье Милы мне гораздо важнее.

Я отправилась собирать вещи. Надо признать, сегодняшний поединок Кузен выиграл «всухую»...

Спортивная сумка всегда стоит наготове. В ней лежит запасной комплект одежды по сезону, деньги, кредитки, пара телефонов и зарядки к ним, облегченной конструкции бронежилет, чистый спортивный костюм и офигительный пеньюар лилового цвета, что так идет к моим темным волосам. Дело в том, что я никогда не знаю, куда забросит меня очередное задание. И что из моего небольшого арсенала пригодится в этот раз. Так что, как говорится, «все свое ношу с собой».

Странно, а ведь если подумать, не считая компьютера и роскошной коллекции фильмов, это действительно все мои вещи...

Ну, не совсем! Я заскочила в бывшую «свою» комнату, ныне занимаемую Кузеном. Константин сидел на краешке диванчика и смотрел на меня с легкой усмешкой. Я резко шагнула к нему и наклонилась. Парень заметался по дивану, но я всего лишь сдвинула картину, висящую за его спиной. Картина скрывала панель, за панелью якобы кирпичная стена отодвигалась на скользящих направляющих, а та, в свою очередь, надежно укрывала сейф, в котором я держу оружие и кое-какие полезные штуки для моей работы. То, что Кузен ночует в одной комнате с моим пистолетом, было одной из существенных причин, почему я так нервничала. Хотя я точно знала – сейф ему ни за что не открыть, очень уж хитрый там замок. Да и до этой минуты Кузен не подозревал о существовании тайника, а сейф так хитро устроен – если не знаешь, что он там, ни за что не найдешь, даже со специальным оборудованием. Когда мои губы оказались возле уха парня, я негромко проговорила:

– Слушай меня очень внимательно. Если с Милой что-нибудь случится, я достану тебя и на другом конце земного шарика. Уяснил?

Кузен кивнул, глядя прямо перед собой остановившимися глазами.

– Кстати, передвинься, а то ненароком заденет...

Костик поспешно вскочил. И вовремя – едва я набрала нужную комбинацию и дверца сейфа распахнулась, как оттуда вылетела боксерская перчатка на пружине – я придумала это на случай, если вдруг в Тарасове найдется взломщик экстра-класса. А так он гарантированно получит нокаут. Дурацкая шутка, согласна, но мне нравится!

Я вытащила из сейфа сумку со своими вещичками и захлопнула дверцу.

– Имей в виду, я скоро вернусь! – пообещала я Кузену и покинула квартиру. Тетя не вышла меня проводить, и я не стала настаивать. Поле боя осталось за противником, на моем самолюбии не было живого места, квартира, столько лет служившая мне настоящим домом, стала для меня недоступна... А самое главное – я была вынуждена оставить тетю с этим подонком!

Глава 3

На следующее утро эта мысль первой посетила мою голову. Делая зарядку в одноместном номере гостиницы, куда я заселилась вчера, я ругала себя на чем свет стоит. Как я могла поддаться эмоциям! Почему согласилась покинуть дом! Что мне стоило извиниться перед Милой, пообещать, что отныне я перестану доставать Кузена своими подозрениями, заключить с негодем временный мир... а потом нанести решающий удар! И теперь тетя в одной квартире с этим проходимцем!

Так, нужно срочно выяснить, все ли у Милы благополучно!

Не закончив комплекс упражнений на растяжку, я бросилась к телефону и набрала знакомый номер.

– Алло? – послышался сонный голос Милы. Эх, ведь сейчас всего шесть утра! Тетя наверняка еще спит.

– Это я! Просто звоню узнать, как у тебя дела, – сказала я.

– У меня все в порядке, можешь не беспокоиться, – довольно прохладным тоном ответила Мила. – Почему ты звонишь так рано? Костик еще спит...

Я повесила трубку. Уселась на гостиничном ковре в позу лотоса и задумалась.

Совершенно ясно, что ни в какой гостинице я жить не буду. Мне нужно найти место поближе к дому, чтобы держать самозванца в поле зрения. И, разумеется, я не собираюсь сидеть и ждать, когда этот мазурик сделает то, зачем приехал, и укатит обратно в Америку. С сегодняшнего дня, вот прямо с утра, я начинаю операцию... операцию «Возмездие»!

Ничего, дорогой Кузен, мы еще посмотрим, чья возьмет... Настроение у меня резко улучшилось, на этой позитивной ноте я закончила зарядку и приступила к разработке плана.

Как назло, мой «рабочий» мобильник – тот, которым я пользуюсь для связи с клиентами, с самого утра звонил не переставая. Ах, сколько заманчивых предложений о работе мне пришлось отклонить! Когда поступил заказ на сопровождение юной дочери местного олигарха на шопинг в Милан, я просто-напросто выключила телефон. Ну, Кузен, ты мне заплатишь в том числе и за это!

Так, Женя Охотникова с сегодняшнего дня работает только на себя. У всех спецслужб мира есть негласный девиз. Никто не произносит его вслух, его не пишут на мраморных досках над входом в офис ЦРУ и тому подобные конторы, но знают его все. Он звучит так: «Личное – не значит важное». В своей работе любой агент рано или поздно сталкивается с тем, что его личные интересы вступают в противоречие с поставленными задачами. Ведь агент – такой же человек, как и все. У него есть родители, старенькая бабушка, супруг или супруга, дети, всякая родня, друзья, соседи... Хорошо Джеймсу Бонду – он один на свете. Очередная блондинка не в счет, да эти случайные девицы вокруг красавца-агента мрут как мухи. Поэтому образцовый служащий не должен иметь ни семьи, ни друзей. А что касается супругов, то в идеале они должны быть сотрудниками одной конторы и с пониманием относиться к специфике работы своей второй половины. Но в жизни так бывает редко.

Вот посмотрите на меня. У Жени Охотниковой имелось всего одно уязвимое место – тетя Мила. Именно в него нанес удар враг.

Так что с сегодняшнего дня я перечеркиваю негласный девиз спецслужб, для меня теперь личное – самое важное.

Я совершила вылазку в Интернет, и уже к вечеру того же дня была счастливым квартиросъемщиком вполне приличной «двушки». Счастливым – потому, что арендованная мною квартира находилась в доме аккуратно напротив нашего, да еще на один этаж выше, так что из окна гостиной открывался великолепный обзор наших окон. Вообще-то двухкомнатная квар-

тира была мне не нужна, я прекрасно обошлась бы и однокомнатной, но выбирать не приходилось.

Вторым по значимости делом был сеанс связи по скайпу – я минут пятнадцать мило поболтала о том о сем с бывшей коллегой – когда-то мы вместе учились в «Ворошиловке», потом одновременно поступили в спецгруппу, служили в отряде «Сигма» и вместе пережили несколько спецзаданий. После этого моя коллега – имени ее я называть не стану, про себя я всегда называю ее Коллегой, а с чужими о ней никогда не говорю – так вот, после четвертого задания Коллега навсегда покинула группу «Сигма». Ей удалось это сделать куда более ловко, чем мне, – не пришлось хлопать дверью, а потом скрываться от бывшего руководства. Коллега ушла на покой по состоянию здоровья, а точнее – талантливо имитировала психическое расстройство. Вообще-то здоровье, в том числе и психическое, у нас всех было примерно как у космонавтов, но посттравматические психозы все же случались. После очередного рейда ночью в казарме я застала Коллегу с пистолетом во рту. Пистолет я отобрала. «Женька, я больше не могу! Я сломаюсь. Сегодня я чуть не начала садить из «АК» во всех подряд – и своих, и чужих! Помоги мне...»

И я помогла. По клинической психологии у меня был высший балл, так что мы с Коллегой все разыграли как по нотам. Она легла в военный госпиталь, а потом тихо ушла в отставку.

Много лет я не имела о ней никаких сведений, только надеялась, что у нее все в порядке, что Коллега смогла приспособиться к нормальной жизни и счастлива где-нибудь в провинции с мужем и детишками. Но все оказалось иначе. Коллеге удалось выйти замуж за иностранца и уехать из страны. Пару лет назад она нашла меня сама, поблагодарила и сказала, что всегда меня помнит, потому что именно мне обязана душевным здоровьем и вообще жизнью. Коллега работала в Интерполе.

Это было такое знакомство, о котором человек моей профессии может только мечтать. Я крайне редко обращалась к Коллеге по делу, а вот общались мы частенько, когда позволял мой плотный график и ее, не менее загруженный.

– Фрау Гинцель! Помоги мне по старой дружбе, – попросила я Коллегу, ибо теперь ее звали именно так. – Пробей по базе двух человечков.

– Что-то серьезное? – насторожилась Коллега.

– Нет, просто мои семейные дела.

– Так это не работа? Тогда я все сделаю бесплатно.

Я поблагодарила и вкратце, без подробностей изложила Коллеге то, что сейчас происходило в моей жизни.

Фрау Гинцель присвистнула, как мальчишка, и посочувствовала мне:

– Да, Женька, ну ты и влипла! Такое только в кино бывает...

Мы договорились, что Коллега попытается выяснить, кто такой Кузен на самом деле – я сбросила по электронной почте его фотографию, сделанную на всякий случай мобильным телефоном. Качество было не ахти какое, но узнать вполне можно. Коллега пообещала, что не будет есть и спать, но перероет все базы в поисках злодея. Мы сердечно простились.

Я сварила суп из пакета, заварила чай и приготовилась к наблюдению. В сумке, которую я вытащила из сейфа в своей спальне, у меня находился целый арсенал всяких полезных приспособлений. Помимо оружия здесь была обширная коллекция «жучков» – несмотря на распространение мобильной связи, я по-прежнему пользуюсь этим проверенным средством. Щетка для волос, в ручку которой вмонтирован баллончик с нервно-паралитическим газом. Тушь для ресниц, а на конце кисточки – игла, способная парализовать на несколько часов конечность, в которую она вонзится. Моя любимая помада – ей можно действительно накрасить губы, а можно повернуть колпачок – и помещение заполнят клубы совершенно безвредного, но устрашающе черного дыма, а также вполне реалистичные языки огня. Электрошокер. Моток необычайно тонкой, но прочной веревки с «кошкой» на конце и карабином – вдруг придется

в спешке покидать какое-нибудь высокое здание? Так, что там у нас еще? Перчатки на присосках – с их помощью можно подняться по совершенно гладкой поверхности, только нужно иметь тренированные мышцы. Идеальная штука для проникновения в современные высотные здания! Старый добрый прибор ночного видения. Пара десятков датчиков движения. Портативные микрофоны. Скажу честно, мой арсенал слегка устарел – уверена, что с тех пор, как я покинула службу, умные очкарики напридумывали уйму всего. Но я ценю мои старые добрые устройства, они не раз меня выручали, а порой от них зависела моя жизнь и безопасность.

Я достала цейсовский стереобиноколь и заняла позицию у окна. Свет я предусмотрительно погасила, чтобы даже случайно не привлечь к себе внимания. Теперь тетина квартира была передо мной как на ладони. Легкие кружевные занавески не могли помешать осмотру. Жаль, окна моей собственной комнаты, где поселился самозванец, выходили на другую сторону дома. Ну, так я все равно не смогла бы заглянуть к себе самой, потому что, едва начав работу телохранителя, собственными руками повесила на окна плотные шторы, через которые не проникал ни единый луч света, хоть светомаскировку устраивай. Дело в том, что моя непредсказуемая работа порой длится по несколько суток. И лечь спать я могу, к примеру, в полдень. Так вот, чтобы не путать день с ночью и иметь возможность спокойно выспаться, и нужны шторы. Ладно, меня сейчас не интересовало, что делает Кузен, когда остается один. В конце концов, он прожил в моей комнате уже четыре дня. Вряд ли там что-то криминальное. А вот за безопасностью тетушки я бы проследила.

Первый вечер не принес мне ничего интересного. Тетя и Кузен вместе смотрели телевизор – судя по времени, это был сериал про трудную жизнь сурикатов. Потом родственники поужинали – я превосходно видела их в окно кухни. Затем уселись в гостиной и принялись за альбом с фотографиями. К ним никто не приходил, и квартиру они не покидали. В десять вечера тетушка отправилась спать, а Кузен еще какое-то время сидел на кухне. Один раз он кому-то звонил, но содержание его разговора осталось для меня тайной. Вообще-то я неплохо читаю по губам, но мерзавец повернулся ко мне спиной во время беседы. Вряд ли он догадывался, что за ним наблюдают, просто имел, как и я, полезную привычку отворачиваться от окна. Надо же, как шифруется...

Следующий день прошел так же, за одним исключением – Кузен начинал ощутимо нервничать. Видимо, что-то у него не складывалось. Константин сделал несколько телефонных звонков, а во время последнего подошел к окну и остановился, разговаривая. О, здорово! Сейчас узнаем...

Я всматривалась в шевелящиеся губы. Кузен говорил по-русски, это точно. «Да. Нет. Говорю тебе, все уже на мази! Да завтра он придет, завтра! Тебя бы на мое место. Да, очень смешно, придурок!» Кузен в сердцах нажал «отбой», потом закурил. Надо же! А я и не знала, что Костик имеет такую дурную привычку! Как же это он позволил себе такой прокол – трещину в образе «хорошего мальчика»? И вообще, почему он так свободно разговаривает?! Не боится, что Мила его услышит?

Я слегка запаниковала и собралась уже звонить домой, но тут загадка разрешилась – из подъезда вышла тетушка под ручку с соседкой. Так, все ясно – Мила вышла поболтать, а потом прогуляться с Марьей Семеновной. Ну и отлично!

Я набрала знакомый номер.

– Але? – раздался в трубке неуверенный голос Кости.

– Не знаю точно, кто ты такой на самом деле и чего тебе здесь надо, но обещаю – узнаю обязательно. Я до тебя доберусь, понял?

Реакция Константина на мои слова превзошла самые смелые ожидания. Парень побелел и затравленно оглянулся. Казалось, его сейчас в расцвете лет настигнет сердечный приступ.

– Кто это? – еле слышно выговорил Костик.

– А ты думаешь – кто? – поинтересовалась я.

– Женька?! – в голосе Кузена слышалось невероятное облегчение. – Это ты, что ли? Интересно, за кого он меня принял... За представителя сицилийской мафии? Почему так испугался?

– Ну, ты меня до усеру перепугала...

Ого! И где наш заграничный лоск?!

– В общем, ты меня услышал. Все. Желаю счастья. Кстати, что у тебя там не клеится в твоих делах? Может, нужна помощь?

– Ты реально предлагаешь мне помочь? – не веря своим ушам, выговорил Константин.

– На все готова, лишь бы ты поскорее свалил! – искренне ответила я.

Кузен на минуту задумался. Неужели он примет мое предложение и посвятит в свои планы?!

В бинокль я увидела, как Костя помотал головой:

– Не, не пойдет. Да ты не переживай за меня, подруга, я справлюсь!

– Ну, как хочешь.

Я повесила трубку, ругая себя за глупость. Эх, надо было записать разговор! Такой контраст между иностранцем, студентом Финансовой академии – и явным гопником, занятым какими-то темными делишками!

Я попыталась исправить ошибку и в течение дня еще несколько раз звонила Кузену, пытаясь спровоцировать его на грубость или вызвать на откровенный разговор. Но хитрый Костя разгадал мои намерения и в расставленную ловушку не попался – он отвечал предельно вежливо, с легким акцентом, так что пришлось все записи стереть, толку от них не было никакого.

Следующий день начался еще интереснее – Кузен отправился на прогулку, причем в одиночестве. Это значило, что он, вместо того чтобы под ручку с Милой любоваться красотами Тарасова, наконец-то начал действовать. Что ж, в таком случае и мне пора на охоту.

В спецшколе нас учили владению техникой «хамелеон». Мне давненько не приходилось использовать этот полезный навык в своей работе, но сейчас как раз настал подходящий момент.

Люди непосвященные уверены – для того чтобы сделаться неузнаваемым, нужно как можно сильнее исказить свою внешность. К примеру, если ты стройная брюнетка, нужно преобразиться в толстую блондинку, и тебя никто не узнает. А еще лучше – обзавестись накладной бородой, рыжим париком и тому подобными примочками. На самом деле такой маскарад способен скорее привлечь внимание, чем сделать кого-то незаметным. Основа техники «хамелеон» – сделаться незаметным в толпе. Для того чтобы взгляд преследователя не задерживался на твоей физиономии, есть множество способов. Самый простой – отождествить себя с какой-либо функцией. Сторож, охранник на входе, уборщица, возящая шваброй под ногами, бабулька, продающая вязаные воротнички на автобусной остановке, бомж, ковыряющийся в мусорке, школьный учитель – никто не разглядывает их внимательно. Бросают беглый взгляд, определяют функцию: «бомж» или «продавец газет» – и все, отсутствие интереса гарантировано. Такая личина позволяет подобраться к объекту близко, но у нее есть существенный недостаток – она совершенно не подходит для мобильного наблюдения. Функция привязана к месту, и если бомж у мусорки не вызывает интереса, то тот же персонаж на стоянке или в магазине мгновенно привлекает внимание. Конечно, для того чтобы стать неузнаваемым, можно прикинуться горбатым карликом – говорят, средневековые японские ниндзя отрубали себе ноги по колено для того, чтобы использовать ходули разной высоты, регулируя свой рост по мере надобности. Но я не способна на подобное самоотречение даже ради любимой профессии, да к тому же есть способ попроще.

Мой секрет в том, что нужно лишь немного «сдвинуть» свою внешность от привычного облика – и объект ни за что не сможет тебя узнать, несмотря на то что у тебя не будет накладных усов и рыжего парика. Именно этот способ я применила сейчас.

Я шла по улице метрах в десяти от Кузена. Пару раз Костик обернулся, словно проверяя, нет ли за ним слежки. По моему лицу он лишь скользнул равнодушным взглядом – я не вызвала у парня ни малейшего интереса. К чему внимательно разглядывать тетку лет пятидесяти, которая явно возвращается с дачи? На тетке старенькие джинсы и растянутая майка, на голове косынка, придающая и без того незагорелому лицу зеленоватый оттенок. Волос из-под косынки не видно вовсе, глаза опущены, тетка смотрит в землю и шаркает ногами, обутыми в пыльные белые кроссовки. Плечи оттягивает рюкзак, набитый не иначе как урожаем редиски со своего огорода, а в руках – пара авосек, из которых торчат перья зеленого лука.

Конечно, меня такая маскировка не обманула бы – в спецшколе нас натаскивали запоминать именно особенности внешности, мы часами тренировали память, просматривая сотни фотографий, ища заданные лица среди множества изображений. Главное было не обращать внимания на шляпы, бороды, смену прически и грим. Причем основная трудность заключалась в том, что не все лица принадлежали европейцам – самое трудное задание заключалось в том, чтобы найти китайца среди китайцев.

Но Кузен не был профессионалом и послушно попался на нехитрую уловку. Я даже осмелела настолько, что не только влезла с Костилом в один автобус, но и устроилась позади него на задней площадке. Кузен даже слегка отодвинулся, чтобы тетка не задела его своими луковыми перьями. А тетка, поправляя рюкзак на плече, ухитрилась одним незаметным движением руки воткнуть булавку-«жучок» в модный пиджак Кузена – цвета «мокко», из натурального льна. Все, теперь можно не спешить. Я позволила Кузену покинуть автобус на нужной ему остановке, а сама проехала до следующей. Ох, до чего же жаркий выдался день! И охота Кузену тащиться куда-то в такую жару? Сидел бы дома, пил холодный лимонад... Никуда он теперь не денется. Тоненькая булавка посылает сигналы на мой телефон – там у меня развернута карта города. Так, уточним район, куда направляется мой объект...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.